

Татьяна Васильевна Федосеева

*доктор филологических наук,
профессор кафедры литературы
факультета русской филологии и национальной культуры,
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина,
(Рязань, Российская Федерация)
t.fedoseeva@rsu.edu.ru*

ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕННОСТИ В РАННЕЙ ПРОЗЕ В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА

Аннотация: В статье мы представляем результаты исследования повествовательной прозы В. К. Кюхельбекера первой половины 1820-х годов. Для анализа выбраны наиболее значимые произведения этого периода — книга путевых записок «Путешествие» и повесть «Адо». В ходе исследования решается вопрос об отношении Кюхельбекера раннего периода творчества к христианству и христианским ценностям. Применяется аксиологический подход, методы историко-типологического и структурно-семиотического изучения художественных текстов. В тексте «Путешествия» для подробного анализа мы выделяем письма, в которых даны описания выставленных в Дрезденской галерее полотен художников фламандской и голландской школ, немецких и итальянских живописцев XVII—XVIII веков. Кюхельбекер отдает предпочтение картинам на библейские сюжеты, в сравнении с теми, которые представляют натуралистические бытовые сцены. Особое внимание он уделяет евангелическим темам. Его привлекает светоносная, Божественная природа младенца Христа. В изображении Богородицы — небесная чистота и высокое смирение. В образе святого Себастьяна — выражение радостного страдания за Христа. Исторический сюжет повести «Адо» обращен к периоду насильственного крещения прибалтийских народов рыцарями Ордена меченосцев. Прибалтийцы стараются сохранить веру предков. Они восстают против жестокого наместника Ордена рыцаря Увальда. В тексте повести выделяется образ рыцаря Михаила, который вступился за притесняемых. Рыцарь, подобно архангелу Михаилу, оказывается на границе Добра и Зла. С этим образом мы связываем важную для Кюхельбекера идею жертвенной христианской любви и вечной жизни в духе. В результате проведенного исследования сделан вывод о причастности Кюхельбекера в ранний период творчества основным духовным и нравственным ценностям христианства.

Ключевые слова: ранняя проза В. К. Кюхельбекера, вопросы мироприятия, книга путевых записок «Путешествие» (1821), повесть «Адо» (1824), христианские ценности

В творческом становлении и развитии Вильгельма Карловича Кюхельбекера как поэта, писателя, литературного критика особое значение имели 1820–1825 гг. В это время он

определяется в своей литературной позиции, приобретает известность в литературных кругах. Ранний период творчества поэта и писателя представляет особый научный интерес, прежде всего, с точки зрения становления творческой индивидуальности автора, определения его ценностных ориентиров. Однако до последнего времени исследователи не уделяли достаточного внимания этому периоду, и его место в творческой эволюции писателя не определено.

Творчество писателя было принято рассматривать, преимущественно, в общем ряду с другими авторами. Начиная с 1910–1930-х годов, благодаря усилиям Ю. Н. Тынянова, закрепились трактовка его как поэта пушкинского круга. При этом исследователем было отмечено, что первоначально приняв общее для лицеистов направление в поэзии, именно в начале 1820-х годов Кюхельбекер встал в оппозицию к друзьям, развивавшим карамзинскую традицию. Более органичным для него оказалось «державинское» направление в литературе, осознание которого при ближайшем участии А. С. Грибоедова [18, 321–378]. Другая распространенная в отечественном литературоведении концепция — Кюхельбекера-декабриста. Ее сторонники выделяют и подчеркивают вольнолюбивые мотивы лирики поэта, его драматического и литературно-критического наследия [2, 9, 12, 14]. Романтическая природа эстетики и литературной практики поэтов декабризма была подвергнута основательному изучению в 1970-х годах. Подводя итоги состоявшейся тогда дискуссии, Н. А. Гуляев справедливо заметил, что «этический рационализм», сближавший их с просветительской идеологией «не сопровождается, как в классицизме, подавлением страстей», они органично входили в их «эстетический и нравственный мир» [9, 37–58]. Так, была подчеркнута иррациональная сторона творческого сознания поэтов, влившихся в декабристское движение. Духовный путь Кюхельбекера в историко-литературном контексте 1830–1840-х гг. рассматривался в известной монографии Е. И. Анненковой [3].

С недавних пор творчество Кюхельбекера изучается в русле державинской поэтической традиции, которая историче-

ски противостояла карамзинской, прежде всего, «в особом характере поэтической семантики» [7, 6]. Семантика «державинского» стиля способствовала выражению серьезного гражданского и религиозно-философского содержания, к которому явно тяготел В. К. Кюхельбекер, не принимавший распространенных среди поэтов-сверстников иронии и игры.

Лишь в последние десятилетия исследовательское внимание направлено на рассмотрение собственно вопросов мировоззрения и творческой эволюции В. К. Кюхельбекера [8, 18]. Так, Л. Г. Горбунова, изучив философские взгляды и религиозные убеждения писателя, заметила, что, несмотря на некоторые точки соприкосновения с эстетикой йенского романтизма, в общем и целом литературная позиция Кюхельбекера не противоречила традиционной христианской духовности [8, 35]. В. Н. Аношкина в статье о романтизме декабристов пишет: «Духовные ценности для него [Кюхельбекера. — Т. Ф.] всегда были важнее всего...» [4, 138]. По наблюдениям М. Ю. Карушевой, мировоззренческая позиция поэта не только в поздний, но и в преддекабрьский период творчества, непосредственно связана с христианской концепцией провиденциализма [12, 44–52]. В недавней работе А. В. Моторина отмечено, что Кюхельбекер «среди писателей-декабристов оказался одним из немногих, кто уже в первой половине 1820-х годов приблизился к православному мистицизму» [13, 98].

Таким образом, современными литературоведами актуализируется религиозный аспект изучения мировоззренческой и эстетической позиции В. К. Кюхельбекера, однако детальному анализу его творчество раннего периода с этой точки зрения до сих пор не подвергалось.

Книга путевых записок «Путешествие» отразила впечатления от заграничной поездки поэта, состоявшейся в 1820–1821 гг. Отдельными частями она была опубликована в Трудях высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности (Ч. XXVIII. СПб., 1824. С. 166–175), в альманахе «Мнемозина» (М., 1824. Ч. II–IV), а также в журнале «Северный архив» (1825. № 15). Судя по всему, Кюхельбекер ценил этот свой прозаический опыт, включив в про-

диктованное И. И. Пущину в год смерти «литературное завещание» полный список текстов, подлежащих опубликованию. Целиком «Путешествие» не может быть напечатано до сих пор, поскольку единственный известный его список, хранившийся у Ю. Н. Тынянова, современным исследователям недоступен [18, 650–651]. Тем не менее интерес к нему оправдан, поскольку именно в этом сочинении литературно-эстетическая и духовно-философская позиция поэта выражена с большой степенью свободы, свойственной непринужденной форме путевых записок.

Известно, что личность В. К. Кюхельбекера отличалась яркой романтической направленностью. В воспоминаниях современников неизменно говорится о его благородной душе, добром сердце и полной сосредоточенности на идеальных представлениях о мире. Особое место в сознании автора «Путешествия» занимали думы о родине. 22 октября 1820 г. он писал о встрече в Дрездене с семьей одного из своих «питомцев», воспитанника Благородного пансиона при Петербургском университете Н. А. Мельгунова:

...мы разговариваем только и единственно о России и не можем наговориться о ней; теперешнее состояние нашего Отечества, меры, которые правительство принимает для удаления некоторых злоупотреблений, теплая вера в Провидение, сердечное убеждение, что святая Русь достигнет высочайшей степени благоденствия, что русский Бог не вотще даровал своему избранному народу его чудные способности <...> что небо предопределило россиянам быть великим, благодатным явлением в нравственном мире, — вот что придает жизнь и теплоту нашим беседам... (Пут., 15)¹.

Как видим, родина для Кюхельбекера — это и справедливая власть, и дарованная свыше особая историческая судьба избранного народа.

Другая не менее важная для автора «Путешествия» — идея свободного и вдохновенного творчества, наиболее последовательно выраженная в письмах о посещении Дрезденской картинной галереи (XIX–XX, XXIII–XXIV). Осмысляя свои впечатления, Кюхельбекер отмечает мастерство художников фламандской школы живописи в воссоздании внешних проявлений человеческой жизни. Он ценит естествен-

ность и простоту изображения. Особый же интерес для него имеют картины, написанные на библейские темы и сюжеты. Они в наибольшей степени отвечают ключевому моменту в эстетике Кюхельбекера-романтика — явленности в художественном творчестве тайны высшего, духовного содержания.

Размышляя над этим вопросом, писатель подробно останавливается на творческой эволюции художника итальянского Возрождения Корреджо Антонио Аллегри (у Кюхельбекера — Корреджио). Выделив в его эволюции четыре этапа, автор подробнее останавливается на третьем и четвертом, в которые художник достиг наивысшей степени мастерства именно в выражении духовного содержания.

В картинах Корреджо зрелого периода творчества Кюхельбекер более всего ценит сочетание легкого, воздушного письма со способностью выразить неземное, Божественное начало. Говоря о картине «Святая ночь», он замечает:

...освещение меня так поразило, что я готов был пасть на колена. <...> Свет исходит от самого младенца Иисуса; солома под ним как будто превратилась в связку лучей солнечных <...> — все вокруг заемлет сияние от него, от отца света (Пут., 31).

В дальнейшем рассуждении о картине тема «Иисус-свет» дополняется темой Богоматери:

В выражении лица — неисчерпаемый источник самоотвержения, любви и смирения! (Пут., 31).

Третий период эволюции художника, таким образом, отмечен приобретенной им способностью средствами живописи передавать возвышенность, красоту и силу Духа.

Переходя к анализу четвертого периода, автор записок выделяет картину «Мадонна со святым Себастьяном» (у Кюхельбекера — Севастияном), заинтересовавшую его особым характером воссоздания образа святого. Вопреки установленной традиции, святой представлен

... не в мирных одеждах священника, не в блестящих доспехах воина: он привязан к дереву и готов принять смерть мученическую, в его лице — небесная, младенческая радость (Пут., 32).

Так, в эволюции Корреджо Кюхельбекер обнаруживает приобретенную им в зрелый период творчества способность к выражению глубинного духовного смысла, который явлен не только в Божественной природе Иисуса Христа, но и в образе земного человека, этот смысл постигшего.

В качестве совершеннейшего образца простоты и ясности живописного выражения Божественного идеала Кюхельбекер называет «Мадонну ди Сан Систо» (Сикстинскую) кисти Рафаэля Санти. Отмечая лаконичность изображения и композиции, он обнаруживает ни с чем несравнимую силу духовного воздействия картины:

Но тайный трепет прокрался в душу мою! Передо мною видение — неземное, небесная чистота, вечное, божеское спокойствие на челе младенца и девы; они исполнили меня ужаса: могу ли смотреть на них я, раб земных страстей и желаний? (Пут., 33).

Ясность выраженного Рафаэлем Божественного идеала заставляет автора записок осознать свое несовершенство. В этом осознании — несомненный шаг вперед, к духовному очищению, которое, как известно, достигается действием Божественной благодати в сочетании со свободной волей человека. «В системе христианских ценностей, — пишет иеромонах Иов (Гумеров), — отводится важнейшее место также учению об уникальности человеческой личности как бессмертного, духовного существа, созданного Богом по Своему образу и подобию» [11]. Обращенные на самого себя слова автора о греховности, подверженности страстям подчеркивают его стремление приблизиться к Божественному идеалу.

Очевидно, что картины, написанные на евангельские сюжеты, наиболее ценны для автора «Путешествия» выражением идеала высшего, Божественного происхождения. Писателя восхищает светоносная природа младенца Христа, в изображении Богородицы — небесная чистота и высокое смирение, в образе святого Себастьяна — радостное страдание за Христа. Запечатленные европейскими живописцами образы восприняты им в единстве внешнего и внутреннего. Отмечены различные пути обретения художником этого соответствия: у Корреджо — это процесс творческого самосовершенствования, у гениального Рафаэля — откровение.

Обобщая свои наблюдения, В. К. Кюхельбекер делает вывод об особенной духовной ценности тех картин,

...которые в большем совершенстве соединяют чувство, воображение, обдуманность и плод вдохновения — идеал с правильностью и красотой рисунка <...> в большем совершенстве соединяют поэзию с искусством (Пут., 35).

Это утверждение относится и к словесному творчеству. Истинным поэтом автор «Путешествия» называет того, который, отдаваясь вдохновению, «...учит времена и народы и разгадывает тайны Провидения...» (Пут., 51). Несомненно, в этих словах — выражение жизненного и творческого *credo* Кюхельбекера, оставшегося и в философско-эстетических рассуждениях, прежде всего, вдохновенным поэтом.

По возвращении из-за границы поэт участвует в работе двух литературных объединений: Вольного общества любителей словесности, наук и художеств и Вольного общества любителей российской словесности, культивировавших идеи преданного служения истине и Отечеству. Его страстная натура требовала активной деятельности. Интересы его разнообразны: он много пишет, совместно с В. Ф. Одоевским издает альманах «Мнемозина», публикует литературно-критические статьи остро полемического характера.

Наиболее полно и последовательно мировосприятие Кюхельбекера преддекабрьского периода творчества, на наш взгляд, выразилось в повести «Адо». Основанное на воспоминаниях детства, проведенного в подаренном отцу Павлом I эстляндском имении Авинорм, повествование отличалось проникновенным лиризмом и повышенной эмоциональностью тона. Обращение к историческому сюжету давало возможность передать понимание поэтом обусловленности исторической судьбы народа его духовной жизнью.

В основании повести — ставший легендарным летописный сюжет о последней попытке эстонских племен в 1227 г. воспротивиться окончательному порабощению их орденом крестоносцев. Восстание жестоко подавлено:

Перед замком Убальда пески логузские испили кровь главных заговорщиков. Главы их были восхищены на копья и выставлены

пред въездом в те селения, в коих они прежде начальствовали (Соч., 185).

В мрачном подземелье замка томятся оказавшиеся во власти «изверга» старейшина Адо и его дочь Мая.

Эсты обращаются за поддержкой к новгородцам. Оказавшись в Новгороде, вождь эстов Нор замечает особенную доброту приютившего его Держикрая, видит в нем «доброго отца семейства, друга верного, примерного гражданина, соседа миролюбивого». Узнав же, что этому учит Христос, не хочет принять веру, во имя которой угнетатели эстов проливают их кровь. Не сразу открывается ему правда христианства. Принимает православие Нор, став свидетелем вдохновенного соборного служения в новгородском храме святой Софии. Он говорит:

Был я в церкви <...> и был в изумлении и не ведал, на земле ли: ибо нет на земле такой красоты и благочиния! Воистину, бог тамо с вами пребывает! (Соч., 331).

Во Христе он находит истинного Бога и легко усваивает главную добродетель христианина — любовь к ближнему. Его любовь не противоречит патриотическому долгу, она обращена, прежде всего, на соплеменников, терпящих бедствия, несчастных и притесняемых. Но и враг, когда он уже не способен бороться, заслуживает милости.

Вооруженного угнетателя моих братьев смело встречу лицо к лицу в сражении; безоружный, он найдет во мне заступника (Соч., 343–344).

Особое место в структуре текста занимает образ рыцаря Михаила, бывшего сотника войска крестоносцев. Он встает на сторону эстов и погибает во имя христианской любви. Подобно архангелу Михаилу, он оказывается на границе Света и тьмы и самоотверженно служит Добру. Память о нем сохраняется на земле эстов: по воле родителей в честь «святого архангела Михаила — в память злополучного юноши» крестили сына Майи и Нора. Имя рыцаря остается в памяти много страдавшего народа.

Еще одним важным смысловым компонентом повести, выражающим характер мировосприятия поэта, является

романтический мотив поэта-пророка. Образ безымянного певца, случайно оказавшегося в стане «свирепого» Убальда, эпизодичен. Он выступает предвестником трагической развязки конфликта. В момент творческого озарения и провидческого восторга «вдохновенные очи вспыхнули, восторг и ужас подъяли власы его». В своей песне поэт выражает «смутное предчувствие» беды, предупреждает Убальда о грозящем справедливом возмездии (Соч., 190).

Певец назван автором «странником», он свободен, не связан с крестоносцами какими-то обязательствами, но погибает вместе с Михаилом в замке Убальда. Завершая свой рассказ, автор еще раз упоминает и рыцаря, и поэта, отделяя их от всех остальных персонажей и подчеркивая, что более всего им ценится жертвенная любовь и преданность идеалу.

Автор повести отчетливо выражает собственное отношение к описанному происшествию. Он, безусловно, на стороне восставших. Образы эстов — Нора, Май, Адо, принявших православие по доброй воле, отличаются внутренней гармоничностью и цельностью характеров. Они осознанно противостоят злу в лице Убальда и жертвуют собою в этом противостоянии.

При ближайшем рассмотрении Великий Новгород в повести Кюхельбекера выступает вовсе не в той роли, о которой принято говорить. Вряд ли можно видеть в нем «оплот вольности и демократии», «оживлявший» политические и гражданские идеи декабристов (Пут., 600). Новгород воплощает не политическую свободу, а свободу духовного самоопределения личности.

Проанализированные нами повествовательные тексты раннего периода творчества В. К. Кюхельбекера убедительно свидетельствуют о том, что его представление об идеальном человеке зиждется на комплексе христианских ценностей. Для идеального героя, созданного писателем, Божество является всесовершенной Благостью и Любовью. В основе уникальной человеческой личности — образ и подобие Бога, что определяет путь к духовному совершенствованию и постижению соборного духовного опыта Церкви.

Примечания

- ¹ Цитаты из произведений В. К. Кюхельбекера приводятся по следующим изданиям с использованием сокращений:
Пут. — Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи / Подгот. текстов, прилож., примеч. Н. В. Королевой и В. Д. Рака. Л.: Наука, 1979. 789 с. (Литературные памятники)
Соч. — Кюхельбекер В. К. Сочинения / Сост., подгот. текста, коммент. В. Д. Рака, Н. М. Романова. Л.: Худож. лит., 1989. 576 с.

Список литературы

1. *Кюхельбекер В. К.* Лекция о русской литературе и русском языке, прочитанная в Париже в июне 1821 г. // Декабристы-литераторы. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. Т. 59. Ч. 1. С. 345—380. (Литературное наследство).
2. *Абаза Г. Б.* К вопросу о методе исторической прозы декабристов // Романтизм в русской и советской литературе. Вып. 6. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1973. С. 41–63.
3. *Анненкова Е. И.* Гоголь и декабристы: (Творчество Н. В. Гоголя в контексте лит. движения 30–40-х гг. XIX в.). М.: Прометей, 1989. 172 с.
4. *Аношкина В. Н.* Литературная деятельность декабристов. Гражданственный романтизм // История русской литературы XIX века. 1800–1830-е годы: в 2 ч. М.: Владос, 2001. Ч. 1. С. 118–153.
5. *Бейсов П. С.* Лекция Кюхельбекера о русской литературе и русском языке, прочитанная в Париже в июне 1821 г. // Декабристы-литераторы. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954–1956. Т. 59. Ч. 1. С. 345–354. (Литературное наследство).
6. *Брачев В. С.* Масоны в России – от Петра I до наших дней [Электронный ресурс]. URL: <http://www.2lib.ru/getbook/1530.htm> (21.04.2013).
7. *Васильев С. А.* Стилевые традиции Г. Р. Державина в русской литературе XIX–начала XX века. М.: Изд-во Литературного ин-та, 2007. 251 с.
8. *Горбунова Л. Г.* Творчество В. К. Кюхельбекера. Проблемы фантастики и мифологии. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. 100 с.
9. *Гуляев Н. А.* О природе декабристского романтизма // Русский романтизм / Отв. ред. К. Н. Григорьян. Л.: Наука, 1978. С. 37–58.
10. *Долгушин Дмитрий*, священник. В. А. Жуковский и И. В. Киреевский: из истории религиозных исканий русского романтизма. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 352 с.

11. *Иов (Гумеров)*, иеромонах. Что значит термин «христианские ценности», и какими они бывают? // Вопросы священнику [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/answers/> (дата обращения 25.04.2013).
12. *Карушева М. Ю.* Своеобразие публицистики В. К. Кюхельбекера в традиции декабристской мысли // Литературный процесс: традиции и новаторство: Межвуз. сб. науч. тр. Архангельск: Изд-во ПоморГУ им. М. В. Ломоносова, 1992. С. 44–52.
13. *Моторин А. В.* Духовные направления в русской словесности XIX века. Великий Новгород: НовГУ, 2012. 504 с.
14. *Прокофьева Н. Н.* Жанровое своеобразие произведений декабристов на темы отечественной истории (В. Кюхельбекер, А. Одоевский, А. Бестужев-Марлинский): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина, 1988. 16 с.
15. *Сахаров В. И.* Романтизм и масонство в России (К проблеме метода и преемственности) // Сахаров В. И. Романтизм в России: эпоха, школы, стили. Очерки. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 256 с.
16. *Стафеева Н. А.* Фольклорный контекст прозы В. К. Кюхельбекера: Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2011. 187 с.
17. *Томашевский Б. В.* Вопросы языка в парижской лекции Кюхельбекера // Декабристы-литераторы. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954–1956. Т. 59. Ч. 1. С. 355–365. (Литературное наследство).
18. *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и Кюхельбекер // Александр Пушкин. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. Т. 16–18. С. 321–378. (Литературное наследство).
19. *Федосеева Т. В.* Вопрос о человеческой власти и Божественном Законе в повести В. К. Кюхельбекера «Адо» // Духовные начала русского искусства и образования: Матер. VII Междунар. науч. конф. Великий Новгород: ИПЦ НовГУ, 2008. С. 141–145.
20. *Шер Е. Ю.* «Последний Колонна» В. К. Кюхельбекера: реализация замысла романа в письмах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 246 с.
21. *Щеглов А. В.* Роман В. К. Кюхельбекера «Последний Колонна» в контексте литературных традиций: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 229 с.

Tatiana Vasilyevna Fedoseeva

*Doctor of Philology, Professor of the Department of Literature,
Faculty of Russian Philology and National Culture,
Ryazan State University named for S. A. Yesenin
(Ryazan, Russian Federation)
t.fedoseeva@rsu.edu.ru*

CHRISTIAN VALUES IN VILHELM KYUKHELBEKKER'S EARLY PROSE

Abstract: This article examines Vilhelm Kyukhelbekker's narrative prose of the first half of the 1820s. For the analysis we have chosen the most significant works of this period — such as his book of travel notes *The Journey* and the novel *Ado*. The study reveals the writer's attitude to Christianity and Christian values in his early period of work. In this research the axiological approach is used, as well as the methods of historical, typological, structural and semiotic study of literary texts. Studying *The Journey*, we performed a detailed analysis of the author's letters which describe the paintings by the artists of Flemish and Dutch schools, as well as German and Italian painters of the 17th and 18th centuries exhibited in the Dresden gallery. The writer prefers the paintings of biblical subjects to those of naturalistic everyday scenes. He pays special attention to the evangelical themes. He is attracted by Divine Child Jesus and the heavenly purity, high humility of the images of the Holy Mother of God, and the fact that St. Sebastian is portrayed as joyfully suffering for Christ.

Historical events of the novel *Ado* date back to the times of the Baltic peoples' forced Christianization by the Order of the Brothers of the Sword. Baltic peoples were trying to keep the faith of their ancestors and they rebel against the cruel governor of the Order. The novel focuses particularly on one knight, Michael, who stood up for the oppressed and like Archangel Michael found himself on the cutting edge of Good and Evil. This character of the novel is connected with the idea of Christian sacrificial love and eternal spiritual life, which was very important for Kyukhelbekker. We concluded that even in his early prose Kyukhelbekker expressed the main spiritual and moral values of Christianity.

Keywords: Kyukhelbekker's early prose, world perception issues, book of travel notes *The Journey* (1821), novel *Ado* (1824), Christian values

References

1. Kyukhelbekker V. K. Lektsiya o russkoy literature i russkom yazyke, pročitannaya v Parizhe v iyune 1821 g. [Lecture on Russian Literature and the Russian Language given in Paris in June, 1821]. *Dekabristy-literatory* [*The Decembrists-Writers*]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1954, vol. 59, part 1, pp. 354—380.
2. Abaza G. B. K voprosu o metode istoricheskoy prozy dekabristov [The Method of the Decembrists' Historical Prose]. *Romantizm v russkoy i*

- sovetskoy literature [Romanticism in Russian and Soviet Literature]*. Kazan State University Publ., 1973, issue 6, pp. 41–63.
3. Annenkova E. I. *Gogol' i dekabristy: (Tvorchestvo N. V. Gogolya v kontekste lit. dvizheniya 30–40-kh gg. XIX v.) [Nikolai Gogol and the Decembrists: (Creativity of Nikolai Gogol in the Context of Literary Movement in the 1830s and 1840s)]*. Moscow, Prometey Publ., 1989. 172 p.
 4. Anoshkina V. N. Literaturnaya deyatel'nost' dekabristov. Grazhdanstvennyy romantizm [The Decembrists's Literary Activities. Civic-Minded Romanticism]. *Istoriya russkoy literatury XIX veka. 1800–1830-e gody [History of the 19th-century Russian Literature. 1800–1830s]*. Moscow, Vldos Publ., 2001, part 1, pp. 118–153.
 5. Beysov P. S. Lektsiya Kyukhel'bekera o russkoy literature i russkom yazyke, pročitannaya v Parizhe v iyune 1821 g. [Vilhelm Kyukhelbekker's Lecture on Russian Literature and the Russian Language given in Paris in June, 1821]. *Dekabristsy-literaturnyye [The Decembrists-Writers]*. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1954–1956, vol. 59, part 1, pp. 345–354.
 6. Brachev V. S. *Masonry v Rossii — ot Petra I do nashikh dney [Freemasons in Russia – from Peter the Great to Our Days]*. Available at: <http://www.2lib.ru/getbook/1530.htm> (accessed 21 April 2013).
 7. Vasil'ev S. A. *Stilevye traditsii G. R. Derzhavina v russkoy literature XIX–nachala XX veka [Gavrila Derzhavin's Traditions in the Style of Russian Literature of the 19th — the Beginning of the 20th Centuries]*. Moscow, Literary Institute Publ., 2007. 251 p.
 8. Gorbunova L. G. *Tvorchestvo V. K. Kyukhel'bekera. Problemy fantastiki i mifologii [Vilhelm Kyukhelbekker's Prose. Problems of Fantasy and Mythology]*. Saratov, Saratov University Publ., 1991. 100 p.
 9. Gulyaev N. A. O prirode dekabristskogo romantizma [On the Origin of the Decembrists' Romanticism]. *Russkiy romantizm [Russian Romanticism]*. Leningrad, Nauka Publ., 1978, pp. 37–58.
 10. Dolgushin Dimitriy, (priest). V. A. Zhukovskiy i I. V. Kireevskiy: iz istorii religioznykh iskanii russkogo romantizma [Vasily Zhukovsky and Ivan Kireyevsky: From the History of Religious Quest of Russian Romanticism]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi Publ., 2009, 352 p.
 11. Iov (Gumerov), hieromonk. Chto znachit termin «khristianskie tsennosti», i kakimi oni byvayut? [What Does the Term “Christian Values” Mean? And What Are These Values?]. *Voprosy svyashchenniku [Questions to a Priest]*. Available at: <http://www.pravoslavie.ru/answers> (accessed 25 April 2013).
 12. Karusheva M. Y. Svoeobrazie publitsistiki V. K. Kyukhel'bekera v traditsii dekabristskoy mysli [Originality of Vilhelm Kyukhelbekker's Essays in the Decembrists' Thought Tradition]. *Literaturnyy protsess: traditsii i novator-*

- stvo* [Literary Process: Traditions and Innovation]. Archangelsk, PomorSU Publ., 1992, pp. 44–52.
13. Motorin A. V. *Dukhovnye napravleniya v russkoy slovesnosti XIX veka* [Spiritual Trends in the Russian Literature of the 19th Century]. Novgorod, NovSU Publ., 2012. 504 p.
 14. Prokof'eva N. N. *Zhanrovoe svoeobrazie proizvedeniy dekabristov na temy otechestvennoy istorii* (V. Kyukhel'beker, A. Odoevskiy, A. Bestuzhev-Marlinskiy). *Avtoref. dis. ... kand. filolog. nauk* [Genre Peculiarities of the Decembrists's Works Devoted to Russian History (Vilhelm Kyukhelbekker, Alexander Odoevsky, Alexander Bestuzhev-Marlinsky). *PhD philol. sci. diss. abstract*]. Moscow, MSPU Publ., 1988. 16 p.
 15. Sakharov V. I. *Romantizm i masonstvo v Rossii* [Romanticism and Freemasonry in Russia]. *Sakharov V. I. Romantizm v Rossii: epokha, shkoly, stili. Ocherki* [Sakharov V. I. Romanticism in Russia: The Era, Schools, Styles. Essays]. Moscow, The Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences Publ., 2004. 256 p.
 16. Stafeeva N. A. *Fol'klorny kontekst prozy V. K. Kyukhel'bekera. Dis. ... kand. filol. nauk* [Folkloric Context of Vilhelm Kyukhelbekker's Prose. *PhD philol. sci. diss.*]. Chelyabinsk, 2011, 187 p.
 17. Tomashevskiy B. V. *Voprosy yazyka v parizhskoy lektzii Kyukhel'bekera* [Linguistic Issues Brought up by Vilhelm Kyukhelbekker in his Paris Lecture]. *Dekabristy-literatory* [The Decembrists-Writers]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1954–1956, vol. 59, part 1, pp. 355–356.
 18. Tynyanov Yu. N. *Pushkin i Kyukhel'beker* [Alexander Pushkin and Vilhelm Kyukhelbekker]. *Aleksandr Pushkin* [Alexander Pushkin]. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie Publ., 1934, vol. 16—18, pp. 321—378.
 19. Fedoseeva T. V. *Vopros o chelovecheskoy vlasti i Bozhestvennom Zakone v povesti V. K. Kyukhel'bekera «Ado»* [Human Authority and God's Law in Vilhelm Kyukhelbekker's Novel "Ado"]. *Dukhovnye nachala russkogo iskusstva i obrazovaniya: Materialy VII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Proceedings of the International Conference "Spirituality of Russian Art and Education"]. Novgorod, NovSU Publ., 2008, pp. 141–145.
 20. Sher E. Y. *«Posledniy Kolonna» V. K. Kyukhel'bekera: realizatsiya zamysla romana v pis'makh. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Kyukhelbekker's novel "The Last of Kolonnas": An Example of an Epistolary Novel. *PhD philol. sci. diss. abstract*]. Yekaterinburg, 2007. 246 p.
 21. Shcheglov A. V. *Roman V. K. Kyukhel'bekera «Posledniy Kolonna» v kontekste literaturnykh traditsiy. Dis. ... kand. filol. nauk* [Vilhelm Kyukhelbekker's Novel "The Last of Kolonnas" in the Context of Literary Traditions. *PhD philol. sci. diss.*]. Saint-Petersburg, 2011. 229 p.